

УДК 930.1
ББК Ю600.325

ГСНТИ 14.07.05

Код ВАК 09.00.11; 13.00.01

Вострецов Евгений Юрьевич,

магистрант первого года обучения, кафедра религиоведения, департамент философии, Институт социальных и политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: horusheresy@mail.ru.

Симонова Ирина Александровна,

кандидат философских наук, доцент кафедры акмеологии и менеджмента, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: luboeo5@mail.ru.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПОЛИГЕНЕРАТИВНОЙ СРЕДЕ: ВЕРСИИ И ИНВЕРСИИ ПРАКТИКИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая ответственность; практика исторической ответственности; инверсия исторической ответственности; полигенеративность; историческая память; историческая вина.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается воплощение феномена исторической ответственности в условиях полигенеративной среды, приводится тезис о том, что именно вовлеченность нескольких поколений лежит в основании историчности исследуемого явления. Дается определение понятия «историческая ответственность», описано его место в ряду таких конструктов, как «историческая память», «историческая вина», «историческая справедливость», в том числе и в контексте проблематики Великой Отечественной войны. Историческая ответственность определена как социальный конструкт, аккумулирующий интергенерационную связь, возникшую между субъектами/общностями на основании их самоопределения в контексте некоторого исторического события и провоцирующую дальнейшую практику деятельности субъектов/сообществ с целью искупления реальной и потенциальной вины и достижения состояния исторической справедливости. Обрисовываются как типичная, так и инверсная практики исторической ответственности, приводится анализ практик инверсии исторической ответственности в молодежной среде на уровне праворадикальных молодежных сообществ. Дано описание феномена аннигиляции практики исторической ответственности в современных условиях. Выявляются и систематизируются основные характеристики практики исторической ответственности: перформативность, топологичность, проективность, нормативность, комплексность, телесная вовлеченность участников, неравномерность, экономическая ориентация.

Vostretsov Evgeny Yurievich,

Master's Degree First Year Student of Department of Religious Studies, Philosophical Faculty, Institute of Social and Political Science, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Simonova Irina Aleksandrovna,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of Department of Acmeology and Management, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

HISTORICAL RESPONSIBILITY IN POLIGENERATIVE ENVIRONMENT: VERSION AND INVERSION OF PRACTICE

KEYWORDS: historical responsibility; practice of historical responsibility; inversion of historical responsibility; poligenerativity; historical memory; historical guilt.

ABSTRACT. The article discusses the practice of realization of the phenomenon of historical responsibility in a poligenerative environment and argues that it is the involvement of several generations that lies at the basis of historical nature of the phenomenon under study. The authors formulate the definition of "historical responsibility", describe its place among such constructs as "historical memory", "historical guilt", "historical justice", including the analysis of these concepts in the context of the problems of the Great Patriotic War. Historical responsibility is defined as a social construct, accumulating intergenerative relations arising between persons/communities on the basis of their self-determination in the context of a historical event, and stimulating further activity of the persons/communities with a view to the redemption of real and potential guilt and achievement of historical justice. The article also describes typical and inverse practices of historical responsibility and analyzes the inversion of historical responsibility among young people belonging to right-wing youth communities. The authors describe the phenomenon of annihilation of historical responsibility practices in modern conditions and identify and systematize the main features of historical responsibility: performative, topological, projective, normative and complex nature, bodily involvement of participants, unevenness, and economic orientation.

Современный функционал истории, очевидно, несводим к консервации знания о прошлом: исторические сюжеты выплескиваются в наше «сегодня», системы исторических фактов уверенно покушаются на будущее. Апелляция к истории как мощному инструменту проектирования настоящего и грядущего оказывается отправной точкой формирования современных политических, аксиологических, культурных, коммуникативных доминант, а потому ложится в основу ведущих технологий оформления социальности. В условиях, когда и сама история, и отношение к ее урокам и последствиям становятся предметом переосмысления, в поле зрения исследователей попадают новые элементы исторической политики, нуждающиеся в адекватном описании и понимании.

Одним из наиболее актуальных социальных феноменов, возникших на ниве истории, на наш взгляд, является феномен исторической ответственности. Уже закрепившийся в общественном сознании, он пока не вошел в область широкого обсуждения наряду с такими значимыми проблемами, как, например, «MemoryStudies» (П. Нора, Б. Гене, П. Хаттон, Е. А. Ростовцев, Д. А. Сосницкий, О. В. Герасимов и др.), и все еще не получил должного методологического основания и описания в терминах социо-гуманитарных методологий. Вместе с тем очевидна значимость этого явления как для прояснения современного социального контекста и определяющих его процессов, так и для развития самой социальной теории.

Обращение к данной проблематике, разумеется, невозможно без детального уяснения специфики понятия исторической ответственности в терминологическом поле современной этики социальности. Представляя собой специфический конструкт, коренящийся в области политического, правового, а также морального самосознания некоторого коллектива, историческая ответственность выражается как «специфическое значимое темпоральное отношение, присущее индивиду или общности, влияющее на характер взаимоотношений между индивидами или общностями» [18]. Так, историческая ответственность предполагает прямую связь с прошлым, следовательно, подразумевает отбор, признание и трансляцию систем исторических фактов и выработку соответствующей концепции, механизма их восприятия конкретным сообществом, и в этом смысле базируется на исторической памяти [7] общности. Происходит ориентация на имеющиеся факты и опыт поколений при самоопределении стратегии построения настоящего и будущего взаимо-

действия с другими индивидами/коллективами.

Вместе с тем историческая ответственность фундирована этической оценкой значимых событий и, соответственно, предполагает распределение статусов [11] виновности индивида/группы в контексте результатов исторического события: невиновности или вины (собственной или же «не своих» [9]), полной/частичной непричастности или виктимности участников [1]. Коллектив или индивид, признающие историческую ответственность, всегда вынуждены сначала оценить степень и характер своего влияния, вернее, влияния «своих» на историческое событие – определить факт исторической вины/виктимности; только тогда будет определена и степень обязанности виновных предпринимать что-либо *не только в настоящем, но и в будущем*. Последнее является наиболее существенным положением, характеризующим феномен исторической ответственности, поскольку здесь историческая вина обнаруживается не просто в актуальной, но и в потенциальной временной парадигме осознаваемых событий. Необходимость предпринимать корректирующее воздействие связывается не только с признанием вины за прошлое, ощущаемое в настоящем: *возникает страх потенциальной вины*, которая будет признана в перспективе, если допустить бездействие.

Проективность и ориентация на преобразование действительности заставляют нас также обозначить связь исторической ответственности с таким неоднозначным понятием, как *историческая справедливость*. Историческая справедливость, на наш взгляд, это представление определенной группы о том состоянии действительности, в котором ситуация, обусловленная событиями прошлого, разрешена таким образом, что жертвы утратили свой актуальный виктимный статус за счет реабилитации их исходных позиций и компенсации утраченных возможностей, что сопровождается соответствующим признанием виновности второй стороной. Отметим, что восстановление исторической справедливости не только требует готовности виновных признавать свою причастность к ситуации, но обязывает совершать компенсационные действия в адрес жертв. Согласно идее Джефа Спиннер-Халив [19], коллективная память имеет огромное значение для признания вины, однако необходимы действия, позволяющие исправить сложившуюся несправедливость. При этом следует признавать, что попытки переиграть ситуацию не гарантируют наступления справедливости в силу давности события и могут нарушать права других участни-

ков. Однако готовность виновников и жертв не только осознавать степень своей причастности, но и активно воздействовать на текущее и потенциальное состояние проблемы, т. е. *практиковать* историческую справедливость, и есть, на наш взгляд, прямое проявление исторической ответственности.

Важно отметить, что здесь авторы не стремятся к однозначной положительной или отрицательной оценке роли описанных конструкций в условиях современных обществ. Тотальная пропаганда таких явлений, как память, вина, справедливость, ответственность в разрезе истории может производить различные последствия в зависимости от исторической политики, реализуемой в сообществе, и его места в широком социальном окружении. В контексте данной работы для нас важно подчеркнуть нетождественность упомянутых понятий и вместе с тем обнаружить очевидную их взаимообусловленность. Мы лишь определили место исторической ответственности в системе понятийных координат, а также подчеркнули директивное значение обозначенных феноменов для современного облика исторической ответственности.

Примером может служить ситуация [13], произошедшая в московском «Детском мире» 4 апреля 2015 г., связанная с обвинением руководства магазина в пропаганде фашизма. Инцидент случился из-за того, что посетителям магазина не понравились выставленные на 5 этаже магазина коллекционные модели солдат вермахта, а именно бюсты офицеров и солдат СС. Было заведено уголовное дело по статье 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». В то же время к делу подключился Совет ветеранов [14], заявивший о недопустимости выставления на продажу подобного товара накануне Дня Победы. Кроме того, ветераны потребовали изъятия из продажи продукции с нацистской символикой, опасаясь ее влияния на молодое поколение. Они также считают, что демонстрация нацистской символики приводит к реактуализации интереса к националистическим и фашистским организациям. По их мнению, *оградив молодежь от восприятия нацистской символики, мы сможем отрезать националистические организации от источника пополнения своих рядов.*

С нашей точки зрения, подобные меры неоправданны и излишни. Во-первых, даже если изъять всю националистическую символику и любое знание о нацизме из оборота, оградить молодежь от знания об этом феномене не получится. В современном обществе, в связи с широким распространением информационных технологий, полу-

чить информацию практически о любом феномене может любой человек. Более того, в перспективе подобная деятельность становится вредной, а именно: уничтожая, аннигилируя образ солдата вермахта или солдата СС, мы обесцениваем сам феномен Победы и все положительное, что мы с ним связываем. Попробуем вообразить абсурдную ситуацию, когда в будущем будет праздноваться некий праздник под названием День Победы, но будет неизвестно, над кем была эта победа и кто ее одержал. Такая ситуация становится возможной, поскольку сокращается число ветеранов, переживших Великую Отечественную войну, поэтому есть вероятность того, что у будущих поколений не будет актуален образ победителя в этой войне. Но также обесценивание феномена Победы может произойти из-за потери образа врага [8]. Аннигилируя нацистскую символику и образ солдат вермахта, тот же Совет ветеранов «оказывает себе дурную услугу».

В одном из видеорепортажей канала «Россия-1», посвященном проблеме миниатюр немецких солдат в «Детском мире», одного из продавцов спросили: «...штурмбанфюрер СС Отто Скорцени, диверсант – это наша история?» Продавец ничего не смог ответить. А между тем это наша история, включающая в себя деятельность всех исторических субъектов – друзей и врагов, захватчиков и защитников, героев и злодеев, адекватное представление о которых возможно лишь при сохранении объективной информации и поддержке исторической памяти. Подобные миниатюры, по мнению авторов, являются необходимым «стимулятором» исторической памяти, в том числе о виновных в случившейся трагедии, что препятствует процессу *аннигиляции практики исторической ответственности* в молодежной среде, поскольку позволяет моделировать и проигрывать ситуацию победы.

Резюмируем: историческая ответственность рассмотрена нами как социальный конструкт, аккумулирующий интергенерационное отношение, возникшее между субъектами/общностями на основании их самоопределения в контексте некоторого исторического события и провоцирующее дальнейшую практику деятельности субъектов/сообществ с целью искупления реальной и потенциальной вины и достижения состояния исторической справедливости.

То есть принципиальной особенностью исторической ответственности является именно обязательность, неременность активной позиции «ответчиков», среди которых оказываются представители разных генераций. Речь начинает идти об историче-

ском измерении ответственности именно тогда, когда частью «ответственного» сообщества становятся поколения, которые не обязательно были участниками событий прошлого и не являлись / пока не являются источником исторических изменений, требующих от них ответа. Фактически речь может не идти о взыскании с конкретных лиц, они, так же как и жертва, нередко оказываются коллективным полигенерационным субъектом, причем состоящим в том числе из поколений, которые не были участниками событий (не застали их), однако отношения этих групп оказываются актуальными, что и должно предполагать демонстрацию исторической ответственности на уровне практики. Отметим, что важным свойством исторической ответственности является степень актуальности ключевого события для разных поколений. Можно выделить линейную зависимость: чем актуальнее событие в памяти субъектов, тем активнее практика исторической ответственности.

Рассмотрим в качестве примера ситуацию, связанную с Великой Отечественной войной. Молодежь демонстрирует тенденцию к снижению уровня актуальности этого феномена. Назовем основные причины и проявления данного процесса.

1. Со временем сокращается число людей, непосредственно переживших ВОВ, из-за чего прекращается процесс непосредственной передачи информации от одного поколения к другому.

2. Часть молодежи начинает считать, что ВОВ уже слишком давно прошедшее событие, которое напрямую их не касается. Некоторым молодым людям непонятно, почему старшее поколение «носит» с событиями семидесятилетней давности (подобные идеи, например, высказывались молодыми участниками дискуссионной площадки, посвященной проблеме ВОВ, «Россия сможем послужить...», открытой на базе ФГАОУ ВПО РГППУ 29 апреля 2015 г.).

Потеря актуальности ВОВ, изменения в структуре исторической памяти молодежи подготавливают почву для развития разного рода инверсных форм [6] практики исторической ответственности. Так, можно рассмотреть некоторые аспекты реализации исторической ответственности, связанные с национализмом и неонацизмом. В указанном контексте это означает переориентацию в медиасреде представлений о расизме, фашизме среди представителей народов-жертв. Во-первых, происходит трансформация националистических и фашистских идеологий, их приспособление под интересы конкретного этноса, что позволяет пересматривать цепочку «память – вина – ответственность» за счет формирования но-

вой исторической политики в образующихся сообществах. Во-вторых, наблюдаются тенденции мифологизации и апологизации националистических и фашистских идеологий, в результате чего происходит снятие вины, а в некоторых случаях – и виктимизация бывших виновных. Это может сопровождаться также и демонизацией жертв. Например, отлично демонстрирует этот сценарий серия компьютерных игр «Call of Duty», где от части к части усиливалась демонизация советских бойцов, демонстрировались жестокие акции НКВД, в частности, сцены исполнения приказа № 227 «Ни шагу назад». Низкие моральные качества советских солдат часто демонстрировались в серии «BlackOps». Подобная тенденция проявилась и в игре «Company of Heroes 2», где в одной из миссий за СССР надо уничтожить хутор с жителями, а потом – союзные войска.

В-третьих, осознанно или не осознанно, осуществляется прощение и даже забвение (исключение из исторической памяти) потомками жертв фашизма своих угнетателей, принятие их идеологии, когда в межпоколенческом разрыве теряются связи между практиками исторической ответственности у молодых, которые начинают пересматривать историю, и старшим поколением, ощущающим ответственность за борьбу с фашизмом [6].

Приведем несколько основных инверсных практик исторической ответственности, присущих сторонникам националистических и фашистских идеологий:

- 1) формальное публичное выступление. Сторонники националистических и фашистских идеологий в рамках данной формы воспроизводят две традиции: с одной стороны, традицию маршей III рейха, с другой – демонстраций их противников. Задача подобных выступлений может быть различной, но главное – это репрезентация себя и своих идеологических представлений, а также попытка реализовать на практике цели и задачи, постулируемые той или иной идеологией. Пример – «Русский марш»;

- 2) насильственные акции – являются второй стороной формальных публичных выступлений. У многих националистических партий и организаций имеется как внешнее представительство, так и законспирированные боевые отряды. Деятельность боевиков обычно направлена на ослабление оппонентов организации, что способствует достижению целей сообщества. Законспирированный характер деятельности боевиков позволяет организации отмежеваться от их деятельности, тем не менее пользоваться плодами боевых операций. Примеры: погромы, организация беспорядков;

3) агитационная, пропагандистская деятельность. Реализуется двумя способами: публикацией статей и иных пропагандистских материалов, например, в сети Интернет или соответствующей литературе. Второй вариант – агитация через медиасреду, осуществляемая посредством записи и распространения соответствующего контента. Особое место занимает музыка, романтизирующая образ националиста/неофашиста как патриота, придающая особую ценность его борьбе. Пример: сеть Интернет, концерты националистических и фашистских исполнителей.

Как традиционные, так и инверсные практики исторической ответственности предполагают воспроизводство комплексов действий, направленных на реализацию конструктивных и проективных целей, создание специфических пространственно-временных комплексов самоактуализации сообществ. Эти действия могут быть как реакцией на события прошлого, так и проектировкой будущего, когда субъект/общность действует целенаправленно и несет ответственность за совершенные действия, поскольку они всегда влияют на создание новой истории, определяют перспективные отношения между индивидами/общностями в будущем. В таком разрезе можно оценивать практически любое действие человека и/или группы в качестве акта исторической ответственности, особенно в том случае, если интерпретация и оценка исследователя будет реализовываться в контексте общей с актором исторической политики.

Изменение сложившегося положения в пользу жертв (сообщества жертв) или поддержка соответствующего, уже складывающегося состояния действительности в стремлении избежать перспективной вины оказывается основой практики исторической ответственности, которая проявляется в активной работе со средой. Таким образом, историческая ответственность, как определяющая основа социального самопозиционирования, оказывается точкой отсчета для собирания полигенеративных сообществ, поддерживающих некоторые характерные практики. Именно этот конструкт сегодня оказывает мощнейшее влияние на формирование и практики реального функционирования ряда сообществ. Более того, историческая ответственность может становиться инструментом, конституирующим общность, как бы собирающим ее изнутри, снизу. Ключевым компонентом оказывается готовность к последствиям признания вины (актуальной или перспективной), которые будут требовать реализации конкретных практик несения ответственности, закрепляемых в системах действия и общения.

За счет практической ориентации историческая ответственность производит ряд осязаемых для социума эффектов, поскольку становится регулятивом деятельности сообществ: она оказывается своего рода «призмой», способной преломлять системы ценностей, задавать траекторию и перспективы социальной динамики, определять требования к настоящему и будущему. Решения будут приниматься уже с учетом определенного опыта, отношение к которому хорошо известно сообществу: на основе практики исторической ответственности будет артикулироваться официальная позиция общности и выстраиваться тактики ее самоэкспонирования.

Попытаемся сформулировать универсальные характеристики практики исторической ответственности:

1) перформативность – как правило, сообщества стремятся к интенсивной визуализации (картины, фотографии, видео, демотиваторы, интернет-мемы), обладают яркой, узнаваемой символикой, тяготеют к использованию зрелищных коммемораций (фестивали, конференции, празднования значимых дат, марши и пр.); характерны открытость, публичность (привлекается СМИ, общественность, коммуникация происходит подчеркнуто открыто), массовость проводимых мероприятий, которые сопровождаются звуковыми, световыми, вкусовыми эффектами (концерты, салюты, полевая кухня и др.); активно используется медиасредства;

2) топологичность – практика, характеризующаяся интенсивной работой с городским пространством: ведется разметка, трансформация мест памяти (отлично применима тут концепция «мест памяти» П. Нора), производится их создание, сохранение, разрушение; спекуляция вокруг физического пространства ориентирована прежде всего на создание специфических топосов исторической ответственности – площадей, улиц, музейных залов, памятников, клубов, сквотов, погружающих человека в соответствующую атмосферу реактуализации событий прошлого с проекцией на будущее; в некоторых случаях, особенно инверсивных, может проявляться в вандальном поведении агрессивного, экзистенциального, конформного типов по отношению к значимым местам и артефактам [5];

3) проективность – обращенность практик в будущее, подготовка планов, проектов, литературных артефактов, декларирование обещаний в адрес пострадавших / потенциально пострадавших сторон, ориентация на вовлечение в сценарии молодого поколения, создание кружков, обществ, программ воспитания и др.;

4) нормативность – традиционно делается опора на законодательные акты, кодексы, исторические документы, научные исследования, фиксированные свидетельства очевидцев; привлекаются официальные лица, «легитимные» свидетели и жертвы;

5) комплексность – практика исторической ответственности реализуется всегда в совокупности конкретных инструментов и всегда предполагает своеобразный набор действий и средств. Практикуются несколько разных форм, подходящих для представителей разных поколений, полов, интересов, поскольку общность обычно весьма разнородна, а участники принадлежат к разнообразным социальным группам;

6) телесная вовлеченность участников – требует непосредственной активности участников, их личного присутствия, может реализовываться в форме актов агрессии (драки), поклонения, близости, дружбы; предполагает использование специальных телесных техник – боевых, творческих, питания, техник оформления тела (нанесения знаков отличия в виде одежды, татуировок, шрамов и пр.);

7) неравномерность распределения практик ответственности между всеми участниками сообщества, в котором наибольшую ответственность несут и реализуют лица и группы, принимавшие решения, а большинство, например, молчаливо поддерживавшее действия, как правило, испытывает меньшую нагрузку [10];

8) экономическая ориентация – наиболее специфическая, свойственная исключительно практике исторической ответственности характеристика: ответственная сторона не ограничивается признанием своей роли в прошлом или грядущем событии, но нередко принимает на себя серьезные финансовые обязательства (выплачивает крупные денежные компенсации, предоставляет гранты, делает подарки и пр.) по отношению к отдельным жертвам или даже

всему полигенерационному сообществу, независимо от того, все ли его участники стали непосредственными жертвами.

Следует отметить, что знание специфики и системы организации этих практик позволит отслеживать и нормировать актуальные проявления исторической ответственности, поэтому может служить эффективным инструментом социального управления, способствующим гуманизации или же эскалации конфликтов разного масштаба. Однако и гуманизирующей, и манипулятивный потенциал практики исторической ответственности, а также перспективы и риски его использования еще только предстоит оценить.

Подводя итоги, отметим, что формирование позиции исторической ответственности и возникновение «признающих», констатирующих типов активности начинается в сообществе как в условиях потери ключевыми виновными лицами их лидирующих возможностей, так и в условиях сопротивления лидирующей исторической политике, и при этом могут быть сформированы как традиционные, так и инверсные формы практики. Оценка деяний прошлого и перспектив будущего может быть неоднозначной и подготавливает возможности для признания актуальной и потенциальной вины, а значит, для закрепления за определенными практиками общности статуса непригодности и даже недопустимости, поиска новых форм социальной рациональности и справедливости, дополнительных альтернатив. В условиях отсутствия полноты и открытости информации, частичного табуирования значимых исторических фактов и сюжетов, важных для воспитания и общего мироотношения человека, работы с частными проявлениями глобальных проблем взамен системных решений, историческая ответственность предстает как непростой шаг к переоценке, которую общество вынуждено делать стоя на перекрестке времен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арндт Х. Ответственность и суждение. М. : Изд. Ин-та Гайдара, 2013.
2. Барботько Л. М., Войтов В. А., Мирский Э. М. Тотальная идеология против тоталитарного государства // Вопросы философии. 2000. № 11. С. 12–27.
3. Васильев А. МемурыStudies: единство парадигмы – многообразие объектов (обзор англоязычных книг по истории памяти) // НЛЮ. 2012. Вып. 117. С. 461–480.
4. Верещагин М. Современные молодежные субкультуры: скинхеды // PSYFactor.org : сайт. URL: <http://psyfactor.org/vershinin3.htm>.
5. Воробьева И. В., Кружкова О. В. Возможности диагностики мотивов вандального поведения // Вестн. ЮУрГУ. Сер. «Психология». 2011. Вып. 15. № 42 (259). С. 35–40.
6. Вострецов В. Ю. Национализм в контексте исторической ответственности // Пространство повседневности: границы и смысл : сб. тез. докл. Всерос. науч. конф. студентов-стипендиатов Оксфордского Российского фонда (Екатеринбург, 28–29 апр. 2015). Екатеринбург : УрФУ, 2015.
7. Герасимов О. В. Историческая память и политический дискурс: особенности взаимодействия // Вестн. Самар. муниципального ин-та управления. 2014. № 1 (28). С. 136–146.
8. Глуханюк А. А., Симонова И. А. Образ врага в молодежной культуре: к постановке проблемы // Молодежь в XXI веке: философия, право, педагогика и менеджмент : сб. науч. ст. 4-й Междунар. науч.-практ. конф. / под науч. ред. И. А. Симоновой ; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2015. С. 12–14.

9. Кара-Мурза А. А. Как идеи превращаются в идеологию: российский контекст // *Философский журнал*. 2012. № 2 (9). С. 27–44.
10. Корнева Л. Н. Проблема вины и ответственности немцев за преступления нацизма через призму взаимодействия макро- и микроисторических исследований // *Вестн. Том. гос. ун-та. История*. 2009. № 2. С. 136–138.
11. Лаврухина И. М., Тимошенко С. А. Вина как социально-культурный образ: многообразие подходов // *Вестн. Донск. гос. аграрного ун-та*. 2014. № 2 (12). С. 135–142.
12. Прибыловский В. Фашизм и пограничные явления. URL: <http://www.anticomproamat.org/naziki/fash.html>.
13. Репортаж о моделях войск вермахта в «Детском мире» // *Lifenews.ru* : сайт. URL: <http://lifenews.ru/news/152213>.
14. Репортаж о реакции Совета ветеранов на продажу миниатюр с нацистской символикой // *Newsru.com* : сайт. URL: <http://www.newsru.com/russia/05apr2015/plasticss.html>.
15. Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2: История*. 2014. № 2. С. 106–126.
16. *Современный философский словарь* / под ред. д-ра филос. наук, проф. В. Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск: ПАНПРИНТ, 1998.
17. Томильцева Д. А. Опыт прощения: социально-философский анализ // *Изв. Урал. гос. ун-та*. 2010. № 1 (73). С. 7–17.
18. Томильцева Д. А. Ответственность // *Современный философский словарь* / под общ. ред. В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. С. 462–465.
19. Spinner-Halev J. *From Historical to Enduring Injustice*. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 2012.

L I T E R A T U R E

1. Arendt Kh. *Otvettstvennost' i suzhdenie*. М.: Izd. Instituta Gaydara, 2013. – 352 s.
2. Barbot'ko L. M., Voytov V. A., Mirskiy E. M. Total'naya ideologiya protiv totalitarnogo gosudarstva // *Voprosy filosofii*. 2000. №11. S. 12 – 27.
3. Vasil'ev A. *MemoryStudies: Edinstvo paradigmy – mnogoobrazie ob"ektov (obzor angloyazychnykh knig po istorii pamyati)* // *NLO*. 2012. Vyp. 117. S. 461-480.
4. Vereshchagin M. *Sovremennye molodezhnye subkul'tury: skinkhedy*. Sayt PSYFactor.org. Rezhim dostupa: <http://psyfactor.org/vershinin3.htm>
5. Vorob'eva, I. V., Kruzhkova O. V. *Vozmozhnosti diagnostiki motivov vandal'nogo povedeniya*/I. V. Vorob'eva, O. V. Kruzhkova//*Vestnik YuUrGU. Seriya «Psikhologiya»*. -2011. -Vyp. 15. -№ 42 (259). -S. 35-40.
6. Vostretsov V. Yu. *Natsionalizm v kontekste istoricheskoy otvetstvennosti*// *Prostranstvo povsednevnosti: granitsy i smysl: sbornik tezisev dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii studentov-stipendiatov Oksfordskogo Rossiyskogo fonda (Ekaterinburg, 28–29 aprelya 2015)*. – Ekaterinburg: UrFU, 2015. – 578 s.
7. Gerasimov O. V. *Istoricheskaya pamyat' i politicheskiy diskurs: osobennosti vzaimodeystviya* // *Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniya*. 2014. № 1 (28). S. 136-146.
8. Glukhanyuk A. A., Simonova I. A. *Obraz vraga v molodezhnoy kul'ture: k postanovke problemy.«Molodezh' v XXI veke: filosofiya, pravo, pedagogika i menedzhment» [Tekst]: sbornik nauch. st. IV Mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konf./ pod nauch. red. I. A. Simonovoy; Ural. gos. ped. un-t. – Ekaterinburg, 2015. S 12-14.*
9. Korneva L. N. *Problema viny i otvetstvennosti nemtsev za prestupleniya natsizma cherez prizmu vzaimodeystviya makro- i mikroistoricheskikh issledovaniy*// *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2009. № 2. S. 136-138.
10. Kara-Murza A. A. *Kak idei prevrashchayutsya v ideologiyu: rossiyskiy kontekst* // *Filosofskiy zhurnal*. 2012. № 2 (9). S. 27-44
11. Lavrukhnina I. M., Timoshenko S. A. *Vina kak sotsial'no-kul'turnyy obraz: mnogoobrazie podkhodov*// *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 2014. № 2 (12). S. 135-142.
12. Pribylovskiy V. «Fashizm i pogranichnye yavleniya». Rezhim dostupa: <http://www.anticomproamat.org/naziki/fash.html>
13. Rostovtsev E. A., Sosnitskiy D. A. *Napravleniya issledovaniy istoricheskoy pamyati v Rossii* // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya*. 2014. № 2. S. 106–126
14. *Sovremennyy filosofskiy slovar'* / pod red. d.f.n. professora V. E. Kemerova – 2-e izd. Ispr. i dop. – London, Frankfurt-na-Mayne, Parizh, Lyuksemburg, Moskva, Minsk / «PANPRINT», 1998.- 1064 str.
15. Sayt Lifenews.ru Reportazh o modelyakh voysk Vermakhta v «Detskom Mire». Rezhim dostupa: <http://lifenews.ru/news/152213>
16. Sayt Newsru.com Reportazh o reaktzii Soveta Veteranov na prodazhu miniatyur s natsistskoy simbolikoy. Rezhim dostupa: <http://www.newsru.com/russia/05apr2015/plasticss.html>
17. Tomil'tseva, D. A. *Opyt proshcheniya: sotsial'no-filosofskiy analiz [Tekst]* / D. A. Tomil'tseva // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2010. – № 1 (73). – S. 7-17
18. Tomil'tseva D. A. *Otvettstvennost'.* *Sovremennyy filosofskiy slovar'* / Pod obshch. redaktsiey V. E. Kemerova, T. Kh. Kerimova. М.: Akademicheskii projekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2015. S. 462-465.
19. Spinner-Halev J. *From Historical to Enduring Injustice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 236pp.

Статью рекомендует д-р филос. наук, проф. С. А. Азаренко.